

ние человеческой радости» (Павлов Н. Первоначальные итоги // Звезда. 1985. № 3. С. 203).

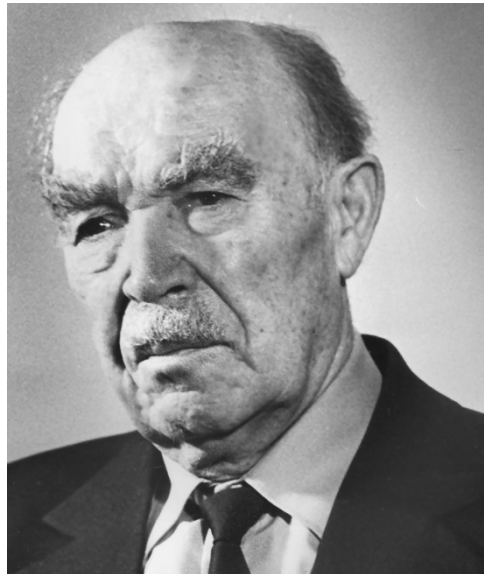
В 1970-е лирика Ш. все больше наполняется песенной стихией, усиливается ее эмоциональная активность. Проникновенный и напевный лирический строй поэзии Ш. привлек внимание мн. композиторов, которые отмечали музыкальность стихов Ш., идущую изнутри слова, мелодическую энергетику образов. На стихи Ш. написано много песен и вокальных циклов. Получили известность «Поздний лист рябины» (Ст. Пожлаков), «Присягаю земле» (В. Соловьев), «Зимний день», «Листопад», «Мгновение», цикл «Память» (Г. Фиртич), цикл «Тихие песни» (А. Сивашова). Песенные тексты Ш. согреты «неподдельным чувством лирического волнения, глубинным философского проникновения в жизнь окружающего мира, в судьбы и характеры людей своего поколения» (Морозов Г.— С. 3). Ш. также работал в творческом содружестве с С. Горковенко, В. Успенским, С. Чебышевым, А. Кальварским и др.

«В общерусском поэтическом „оркестре“ у Ш. имелся свой особый инструмент... В его поэзии звучали тихие, потаенные струны русского сердца, его глубинные скорбь и тоска, его лирическая песенность и бесхитростные (истинно „простые“) радости» (Любомудров М.— С. 443). В Санкт-Петербурге открыт мемориальный центр Ш.

Соч.: Август. Л., 1966; Гончарный круг. Л., 1969; До первой звезды. Л., 1975; Простые вести. Л., 1976; Единственная земля. М., 1979; Мне послышалась свирель. Л., 1981; Я возвратился из пурги. М., 1982; Осенний перекресток. Л., 1984; Всем сердцем. М., 1984; Окликая судьбу. М., 1985; Земные радости простые. Л., 1986; Сердце матери. Л., 1988; Вечерняя равнина. М., 1989; Последние строки. СПб., 1994; Линия судьбы. СПб., 1995; Я оставляю вам. СПб., 1995; Где-то песня слышна — то поет тишина: Песни. СПб., 1996; Избранное: Стихотворения. Проза. Друзья о поэте. СПб., 1998; Поклонение слову [Автобиография] // Избранное. СПб., 1998. С. 7–10.

Лит.: Пикач А. Простые песни // Звезда. 1975. № 7. С. 221–222; Шестинский О. Доброе слово поэта // Шевелев А. Земные радости простые. Л., 1986. С. 3–6; Морозов Г. О песнях Александра Шевелева // Шевелев А. Где-то песня слышна — то поет тишина: песни. СПб., 1996. С. 3–5; Фиртич Г. О поэте и друге // Там же. С. 8–9; Пикач А. Родной язык мой златоглавый // Шевелев А. Избранное. СПб., 1998. С. 398–410; Любомудров М. Общность пути // Там же. С. 441–443; Друзья о поэте // Там же. С. 413–443.

А. М. Любомудров

И. М. Шевцов

ШЕВЦОВ Иван Михайлович [9.9.1920, д. Любиж Горецкого р-на Могилевской обл.] — прозаик, публицист.

Отец Ш.— председатель сельсовета; скончался через 3 месяца после рождения Ш. Детство Ш. прошло в д. Никитиничи Шкловского р-на Могилевской обл., где он окончил школу. В 1930 в Ш. стреляли кулаки за данные им на суде свидетельские показания по делу о поджоге колхозных полей. С 1934 Ш. сотрудничал в районных газ. «Путь коммунизма» и «Ленинский призыв», публикуя фельетоны под псевдонимом «Денис Дидро».

После двух курсов Оршанского педтехникума в 1938 Ш. поступил в Саратовское училище погранвойск, откуда в конце 1939 был досрочно выпущен в звании лейтенанта и направлен командиром взвода на советско-финскую войну. В 1940–41 — начальник погранзаставы сперва на финской, затем на румынской границах.

22 июня 1941 79-й погранотряд под командованием Ш. принял бой на восточном берегу Днестра, где держал оборону в течение 9 дней. Осенью 1941 во время отступления до Тулы командовал взводом (затем ротой) разведки 34-го погранполка, одновременно сотрудничая в дивизионной газ. 5-й армии Западного фронта. В 1942 командовал отрядом ОМСБОН, занимавшимся диверсионной работой в тылу врага; был ранен. В том же году вступил в КПСС. В госпитале после знакомства с поэтическими опытами

И. Г. Эренбурга и А. А. Суркова Ш. написал критическую статью **«О литературном современнике: Мысли читателя»**, где охарактеризовал прочитанные стихи как упаднические и оторванные от реальной жизни; статья Ш. была опубликована А. А. Фадеевым в газ. «Лит-ра и искусство» в 1943.

Спецкорреспондент ж. «Пограничник» (1944–46; участвовал в войне с Японией), газ. «Красная звезда» (1946–52). В 1952 Ш. окончил Лит. ин-т им. М. Горького. В 1952–54 был собственным корреспондентом газ. «Известия» в Болгарии (решение об этом назначении было подписано лично Сталиным); репортажи Ш. из Болгарии печатались также в ж. «Огонек», «Новое время», «Октябрь», «Нева», «Советский воин», газ. «Лит-ра и жизнь», «Лит. газ.»; частично они вошли в сб. Ш. **«Юность Болгарии»** (М., 1954). С 1954 Ш. работал в газ. «Советский флот». Всего в 1940–50-е Ш. опубликовал свыше 500 очерков, фельетонов, статей.

В 1957 Ш. встретился в Алуште с С. Н. Сергеевым-Ценским (которого, наряду с А. Г. Первенцевым, считал своим лит. учителем); знакомство переросло в дружбу. Сближение во многом было обусловлено общностью взглядов, в частности, отношением к XX съезду КПСС, после которого «ревизионисты начали выползать из всех щелей, где они прятались до поры до времени» (здесь и далее необозначенные цитаты принадлежат самому Ш.). После кончины Сергеева-Ценского в 1958 Ш. вошел в комиссию по его лит. наследию (с 1989 — председатель), написал о нем книгу **«Подвиг богатыря»** (Тамбов, 1960; 2-м изд. вышла под названием **«Орел смотрит на солнце»**, М., 1963).

После демобилизации в чине полковника в 1957 Ш. был назначен заместителем главного редактора ж. «Москва»; к этому времени укрепились дружеские связи Ш. со столичной патриотически настроенной интеллигенцией: художниками А. М. Герасимовым, А. И. Лактионовым, П. Д. Коринным, П. Ф. Судаковым, П. П. Соколовым-Скала, скульпторами Е. В. Вучетичем, Б. А. Едуновым, зодчим Д. Н. Чечулиным, математиком И. М. Виноградовым, писателями Л. М. Леоновым, В. А. Кочетовым, Е. А. Пермитиным и др. Частично круг знакомств Ш. нашел отражение в сб. очерков **«Сильные люди»** (М., 1958) и монографии **«Евгений Вучетич»** (М., 1960), а также в мемуарной прозе 1990–2000-х.

С конца 1950-х Ш. всецело посвящает себя худож. прозе. Сб. рассказов **«Старые знакомые»**, повесть **«На краю света»**

(М., 1960), первые части тетралогии **«Русская рапсодия»** — романы **«Свет не без добрых людей»** (М., 1962); **«Семя грядущего»** (М., 1964) и **«Среди долины ровныя...»** (М., 1965) — были тепло встречены читателями. Известность принес Ш. роман-памфлет **«Тля»** (М., 1964), выход в свет которого «произвел в советском обществе эффект взорвавшейся атомной бомбы». Роман ждал публикации почти полтора десятилетия. Еще во второй половине 1940-х Ш. сблизился с худож. студией погранвойск и со студией военных художников им. М. Б. Грекова; в 1949 в «Красной звезде» появилась статья Ш. «Против антипатриотов в батальной живописи» (совместно с руководителями обеих студий Н. Жуковым и Х. Ушениным); данная статья явилась идеологической основой «Тли». Ш. вначале задумывал роман о любви молодого столичного художника и сельской девушки, однако по мере работы в сюжете «Тли» начала преобладать идеологическая составляющая: противостояние сторонников реалистического искусства и искусствоведов-«космополитов», стоящих на позициях формализма. Зависимый по построению от одного из эталонов прозы того времени — романа Ю. Трифонова «Студенты», роман Ш. был завершён ещё в конце 1952, однако в силу общественно-политических обстоятельств смог быть опубликован только в 1964. Сразу же после посещения Н. С. Хрущевым выставки в Манеже, где он подверг художников-формалистов строгой критике, роман Ш. был немедленно издан вне плана стотысячным тиражом. Вскоре по выходе «роман-памфлет» подвергся критике со стороны зарубежных радиостанций («Голос Израиля», «Голос Америки», «Би-би-си»), трактовавших «Тлю» как «впервые созданный при советской власти откровенно антисемитский роман». Несмотря на то что еврейская тема в «Тле» вообще не затрагивалась, а среди положительных героев выведен скульптор Яков Канцель, за свою приверженность реализму трагически погибающий от наезда неустановленной машины, сам Ш. позднее не считал нужным скрывать этническую подоплеку противостояния и признавался: «Острые споры и дискуссии проходили на фоне развернувшейся в конце 1940-х борьбы с космополитами, т. е. сионистами, что не могло не найти своего отражения в романе „Тля“. Я видел и знал поименно космополитов, и как прототипы они легко ложились в ткань повествования». Большинство выведенных в «Тле» персонажей, как положительных, так и отрицательных, были узнаваемы —

так, в образе Льва Барселонского был выведен Эренбург, Осип Давыдович Иванов-Петренко вобрал в себя черты О. М. Бескина и А. В. Федорова-Давыдова, Михаил Герасимович Камышев являет собой изображение А. М. Герасимова.

Увидевший свет сразу же после снятия Хрущева Октябрьским пленумом ЦК КПСС 1964, роман Ш. встретил крайне негативное отношение либеральной интеллигенции — по словам Ш. «каждая шавка стремилась отметить на верность Сиону». В советской критике (за несколько месяцев было опубликовано около двух десятков рецензий) Ш. был обвинен в клевете на советскую действительность, в антихудожественности, в противопоставлении творческой интеллигенции народу с целью их поссорить, в недопустимом нарушении лит. этики: «Будучи явлением предосудительным и нечистым, пасквиль не является литературным жанром, „узаконенным“ нормативной поэтикой. Всякие попытки создать литературный пасквиль встречают возражения советской общественности, как это было в случае с „романом-памфлетом“ И. Шевцова „Тля“» (Гришунин А. Л. Пасквиль // КЛЭ. 1968. Т. 5. Стб. 515). Исключение составил А. Д. Синявский, который особо выделил конспирологическую составляющую романа и подчеркнул его дихотомичность: «Уголовные типы, дельцы, прохвосты составляют в романе „Тля“ мощную организацию, этукую всеильную мафию, гласно или негласно управляющую эстетической жизнью страны. Мало того, что они экономически преуспевают, строят роскошные дачи, пьют коньяк, тогда как реалисты бедствуют, влачат по преимуществу нищенское существование и занимают на жизнь деньги у благоденствующих эстетов. Последние проникли во все поры общества, добились высоких постов, влиятельного положения. Разорвать их сети трудно, почти невозможно... В этих условиях честные люди чувствуют себя прокаженными, пребывают в полнейшей изоляции, в тягостном одиночестве, они бессильны противостать натиску формалистической банды». По мнению Синявского, феноменальность «Тли» и состоит в том, что содержание романа перетекло в реальную жизнь: «Знакомство с рецензиями на роман „Тля“ наводит и на другого рода вопросы. Вот везде, точно сговорившись, все на одного напали. Не значит ли это, что „Тля“ своей печальной судьбой косвенным образом вдруг подтверждает собственную версию — горестный рассказ об участии борца, которого теснят злые недруги, да еще безнаказанно издеваются? Не воскликнет ли оби-

женный автор, что он был прав, когда писал о гонениях на реалистическое искусство, и вот теперь все в жизни происходит почти что по роману — напрасно его обвинили в неправде и клевете» (Синявский А. Д.— С. 228–233). Совр. исследователями «Тля» рассматривается как «антиинтеллигентский, антисемитский и женоненавистнический роман» (Митрохин Н.— С. 163).

Публичное заявление протеста советскому руководству члена ЦК Компартии Франции и Французской Академии Луи Арагона по поводу издания «Тли» еще более стимулировало самые разнообразные формы читательского успеха — по сведениям самого Ш., к нему и в изд-во пришло около 1000 благодарственных писем, в то время как «книгу скупали и сжигали... В библиотеках дали негласную команду не выдавать читателям „Тлю“, из писателя сделали изгоя, создав вокруг него живую блокаду».

Травля Ш. либеральной интеллигенцией и официальными структурами (главный идеолог страны М. А. Сулов был одним из постоянных гонителей Ш.) привела к тому, что за 5 лет Ш. не смог опубликовать ни строчки даже в периодике; пост заместителя главного редактора «Москвы» ему также пришлось оставить. Ранее изданные книги позволили Ш. обрести материальную независимость и в 1964 приобрести дом в пос. Семхоз. В течение 1960-х вокруг сложилось поселение близких ему по духу писателей — В. Фирсова, И. Кобзева, Г. Серебрякова, Ф. Чуева, В. Сорокина, И. Акулова, В. Чалмаева, С. Высоцкого, С. Поделкова и др., называемое ими «Радо-нежье» (по близости к Троице-Сергиевой лавре); недруги Ш. называли этот массив «Антиперedelкино».

Не занимавший после 1964 каких-либо должностей, Ш. был одним из духовных лидеров т. н. русской партии — существовавшего с начала 1960-х неформального объединения лиц, имеющих общие взгляды на судьбы русской культуры; успеху Ш. способствовало то, что «в отличие от своих скучных книг Шевцов очень живой и интересный человек» (С. Семанов. Цит. по: Митрохин Н.— С. 384). В 1970–90-х Ш. был близок также к кружку, сложившегося вокруг изд-ва «Молодая гвардия».

После 5-летнего молчания Ш. обрел голос: благодаря покровительству первого секретаря Московского ГК КПСС Н. Г. Егорычева в 1970 в изд-ве «Московский рабочий» вышел в свет роман «**Во имя отца и сына**» — заключительная часть тетралогии «Русская расподия». Почти одновременно

был издан роман Ш. **«Любовь и ненависть»** (1970), первая часть которого, «На краю света», была опубликована десятилетием ранее. Дискуссия о новых романах Ш., начатая зарубежной прессой («Нью-Йорк таймс», «Интернэшнл геральд трибюн», «Унита» и др.), на этот раз не была сведена к единогласному осуждению Ш.— право на выражение своего мнения получили и его апологеты; результатом дискуссии явилось увольнение ряда высокопоставленных партийных чиновников, отвечавших за идеологию (подробнее см.: Митрохин Н.— С. 127–129). Позднее Ш. опубликовал романы **«Набат»** (1975, 1978), **«Бородинское поле»** (1977, 1985), **«Лесные дали»** (1978).

Несмотря на то что заявление на прием в СП СССР Ш. подал в 1962, он был принят в него лишь в 1979, будучи автором 14 книг, суммарный тираж которых превысил миллион экземпляров. Прием Ш. был осуществлен лишь после вмешательства Политбюро ЦК КПСС, где мнения о его творчестве также разделились. Самым ярким противником Ш. являлся М. А. Сулов, поклонниками таланта Ш. были Д. С. Полянский, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, Г. И. Воронов, А. Н. Шелепин.

В 1988 Воениздат выпустил 3-томник избранных произведений Ш.; в предисл. говорилось: «Знание среды, умение разобраться в сложнейших теоретических проблемах художественного творчества, острая партийная принципиальность послужили основой романов, посвященных вопросам идеологической борьбы, битве за души людей, книг, в которых писатель с партийных позиций разоблачает происки империалистических спецслужб и их агентуры, направленные на подрыв нашего общественного и государственного строя» (Леонтьев Н.). В 1990 изд-вом «Молодая гвардия» был издан новый роман Ш. **«Грабеж»**, соединявший в себе жанровые признаки обычного для Ш. «романа нравов» и детектива.

События 1990-х пробудили творческую активность Ш.— им созданы романы **«Голубой бриллиант»**, **«Остров дьявола»** (продолжение «Набата»), **«Крах»**, **«Последний герой»**, **«Что за горизонтом»**. Прозе Ш. в еще большей степени стала свойственна публицистичность: «Эти романы написаны кровью сердца <...> Мы все политизированы, живя в оккупации». Прежние нормы политкорректности, обусловленные советской цензурой, были отброшены: о кознях «масонов и сионистов» положительные герои

Ш. говорят постоянно и обстоятельно, даже во время совершения полового акта. Впрочем, своих соплеменников автор также не идеализирует: «Народ сам виноват в том, что бедствует. Ни один папуас или негр не стерпел бы того насилия и позора, какой терпит наш молчаливый, одурманенный телевизором, нищий и голодный народ. Да и можно ли назвать его этим гордым словом? В лучшем случае это население — безвольное, утратившее национальное самосознание, гордость и честь. У него не хватает мужества к сопротивлению, к подъему во имя спасения себя и страны» (Край родной. 2001. № 37). Надежду Ш. возлагает не на народ, а на смену власти, на «правительство народного спасения, которое придет на смену преступному оккупационному режиму». Впрочем, Ш. достаточно реалистичен: «У меня нет никаких иллюзий на будущее и скорые перемены к лучшему. Россия стоит над пропастью. Еще один последний толчок, и песня русских как этноса будет спета. Но как русский патриот я не могу жить, не веря в мой народ, в его неистощимые силы, в его великое историческое предназначение <...> И все же Россия выстоит, поднимется с колен, возродится! Я верю в это!» (Цит. по: Юдин В.)

Страницы прозы Ш. 1960-х, где впервые были подняты темы наркомании, проституции, лесоистребления, трактовавшиеся в то время как «очернение действительности» и «вода на мельнице антисоветизма», сейчас воспринимаются по-иному: «Историзм мышления, безупречная фактологическая подоснова, острая, увлекательная интрига — важнейшие черты самобытной художественной манеры писателя» (В. Юдин). Часть современных критиков склонны видеть в творчестве Ш. прежде всего профетическое начало. «Но ведь тля в конце концов съела Россию. Значит, Иван Михалыч — пророк!» (П. Алешкин).

«Шевцов большой мастер острого сюжета. Он умеет держать читателя в напряжении от первой до последней страницы. Особое место в его творчестве занимает природа, которую он видит глазами влюбленного художника, знает ее как натуралист и преклоняется перед ее величием и красотой. Природа в его книгах несет на себе и психологическую нагрузку, отражая состояние души героя» (Н. Леонтьев).

Одна из особенностей творческой манеры Ш.— соотнесенность действующих лиц с реальными личностями. Так, образ главного героя тетралогии «Русская рапсодия» Емельяна Глебова носит черты самого Ш., в пишу-

щих на него доносы поэтах Артуре Воздвиженском и Новелле Капорулиной читатели узнают Андрея Вознесенского и Беллу Ахмадулину. В одном из столпов московского аморализма клоуне Степане Михалеве были склонны видеть С. В. Михалкова, в зломном пенсионере Фенине и его зяте-карьеристе М. Инфантьеве легко угадывались Хрущев и А. Аджубей. Одного из своих главных недругов — журналиста «Известий» Гольцева Ш. вывел под именем сотрудника «Новостей» Наума Гольцера — наркомана, сексуального извращенца и идеологического диверсанта, попутно ради получения наследства убившего родную мать ударом шила в сердце. Ретроспективное награждение ратных подвигов Л. И. Брежнева вызвало раздражение у фронтовика Ш., и глава государства был выведен в романе под именем впавшего в старческий маразм полковника Брусничкина, «главным достоинством которого были густые черные брови»; в неприглядном виде Мирона Серого был изображен также М. А. Сулов — недруг Ш.

Либеральная критика осознала бесперспективность уничижения Ш.: «Творчество автора „Тли“ полностью самодостаточно, поскольку пародии и постмодернистские изыски на материале его книг невозможны. При попытке изгадиться над стилем Шевцова получается тот же Шевцов» (Ю. Васильев).

Романы Ш. имеют устойчивый читательский успех: на народные пожертвования издво «Голос» в 1998–2000 опубликовало все написанные Ш. в 1990-е романы, а также переиздало «Тлю» с дополнением книги «Сокорлы» — воспоминаниями Ш. о близких ему людях. В расширенном варианте мемуарная проза Ш. была собрана в кн. «В борьбе с дьяволом» (М., 2003). В целом творчество Ш. представляет собой одно из достижений русской конспирологической прозы — феномена, ожидающего своего исследователя.

Соч.: Избранные произведения: в 3 т. / предисл. Н. Леонтьева. М., 1988; Избранное: в 3 т. / предисл. Л. Щеблыкиной. М., 1998–2000.

Лит.: Огнев Г. Кривое зеркало пошлости // Комсомольская правда. 1964. 12 нояб.; Синявский А. Памфлет или пасквиль? // Новый мир. 1964. № 12; Сорокин В. Незабытое // Молодая гвардия. 1989. № 11; Шохина В. Русский кэмп // Независимая газ. 1994. 22 марта; Тарасов А. Червонцы из чистого золота. М., 1997. С. 120–129; Щеблыкина Л. М. Из пламени и света рожденное слово // Шевцов И. Голубой бриллиант. М., 1998. С. 664–712; Юдин В. Перо приравнял к штыку // Дуэль. 2000. № 41. 10 окт.; Идет девальвация слова: Беседа И. Шевцова с А. Тер-Маркарянном // Лит. Россия.

2000. № 36. 8 сент.; Три войны за плечами: Юбилейная беседа поэта Валентина Сорокина со старейшим русским писателем Иваном Шевцовым // Завтра. 2000. № 35. 29 авг.: Тля масонская: Беседа И. Шевцова с Ю. Васильевым // Столичные новости. Киев. 2001. № 11. 20–26 марта; К 60-летию битвы под Москвой: Беседа И. Шевцова с Н. Леонтьевым // Край родной. М., 2001. № 37; Митрохин Н. Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985. М., 2003; Михайлова Л. [Щеблыкина Л. М.] Святая Русь: Большая энциклопедия русского народа. М., 2004. С. 1061–1063.

М. П. Лепехин

ШЕВЧУК Юрий Юлианович [16.5.1957, пос. Ягодный Магаданской обл.] — поэт, художник, музыкант.

Отец, Юлиан Сосфенович, был сослан из Украины в Сибирь в 1920-е вместе с семьей, дед расстрелян в 1937. Мать, Фаина Акрамовна, родом из Башкирии, несколько лет проработала в Сибири и на Крайнем Севере. Впоследствии семья переехала в Нальчик, а затем на родину матери в Уфу, где Ш. закончил школу и поступил учиться в Башкирский педагогический ин-т на худож.-графическое отделение. После окончания 1-го курса уезжает на Колыму, работает там грузчиком, затем вновь возвращается в Уфу и продолжает учебу в ин-те.

В студенческие годы начал сочинять песни, исполняя их под гитару; в 1980 стал одним из организаторов группы «ДДТ». В 1982 — лауреат конкурса «Золотой граммофон», учрежденного «Комсомольской

Ю. Ю. Шевчук